

121

Алексей Мосин

«В ЧЁМ
ЖЕ НАША
МАМА БЫЛА
ВИНОВАТА?..»

Документальная постановка
в трёх актах

Выписка из протокола
КВД Свердловской области от .25.

у ш а л и:

Сентябрь

1937 г.

п о с т а н о в и л и:

по обвинению ВОРОБЬЕ-
ВЕВИЧА, 82 лет. ур.
холоцкого района,
то Совета.

что с 1935 г. вв-
овстанческой групп-
в к-р адистско-повстанческой
организации на Урале, вхо-
их кадров.
ления сист-
направ

ВОРОБЬЕВА АЛЕКСАНДРА
ГРИГОРЬЕВИЧА-

РАССТРЕЛЯТЬ
ЛЖЕНО ПРИНАДЛЕЖАЩЕ
ИМУЩЕСТВО КОН-

Екатеринбург
2022

**Трагические
события истории,
не осмысленные
и не получившие
правовой и нравственной
оценки,
могут повториться**

**Преступления
сталинского режима
до сих пор не получили
юридической оценки,
палачи
не названы палачами**

От автора

Восемьдесят пять лет назад в нашей стране начался Большой террор. Жертвами сталинских «спецопераций» стали миллионы людей – арестованных, подвергнутых пыткам, расстрелянных, стертых в лагерную пыль, оставшихся без родителей, получивших на долгие годы поражение в правах. Среди них были и жители села Каменное Озеро (Каменноозерского), родины моих предков.

Каменное Озеро стоит в стороне от оживленных магистралей, сто лет назад почти все его жители состояли в более или менее близком родстве между собой. Больше всего было Осинцевых и Воробьевых. Переплетение родственных связей делало особенно драматичными события гражданской войны и последующей репрессивной политики советского государства.

В 1930 году в Каменном Озере родился мой отец, художник Геннадий Мосин. Здесь родились моя бабушка, Екатерина Федоровна Голоушкина, ее родители и многочисленные предки по разным родовым линиям. Среди арестованных и расстрелянных в 1937 году каменноозерцев был и мой прапрадед, 80-летний крестьянин Александр Григорьевич Воробьев.

Памяти прапрадеда и его односельчан, уничтоженных сталинскими палачами, а позднее полностью реабилитированных «за отсутствием состава преступления», посвящаю я эту документальную постановку. Все действующие лица говорят языком документов архивно-следственного дела, я не прибавил от себя ни одного слова. Они обращаются к нам из прошлого, взывая к нашему сочувствию и сопереживанию. Они предупреждают нас, что трагические события истории, не осмысленные и не получившие правовой и нравственной оценки, могут повториться.

Случится это или нет, зависит от нас.

Действующие лица:

ОСИНЦЕВА Анастасия Петровна.

ТИМУХИН Георгий Сергеевич, председатель колхоза

им. Памяти Ленина.

ПОЛУНИН, сержант госбезопасности, следователь в 1937 году.

ОСИНЦЕВА Анастасия Григорьевна.

ОРЛОВ, лейтенант госбезопасности, следователь в 1965 году.

ВОРОБЬЁВА Анастасия Петровна, колхозница.

ОСИНЦЕВА Федора Фёдоровна, колхозница.

ПЛОТНИКОВ, начальник подразделения

Управления КГБ по Свердловской области в 1990 году.

БАРОНОВА Нина Васильевна, дочь А. П. Осинцевой.

ВЕДУЩИЙ.

В первом акте действие происходит в рабочем посёлке Сухой Лог, во втором акте – в городе Свердловске и в селе Каменноозёрском, в третьем акте – в городе Свердловске. Документальную основу постановки составляют материалы следственного дела № 33984 (ГААОСО. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 48759), имена и фамилии всех действующих лиц подлинны.

Отправка

На арест Воробьева А.Ф.

Воробьев Александр Григорьевич 18...
уроженец с. Н.-Озеро Вурганской
уездной области, крестный
отец в с. Н.-Озеро Вурганской
уездной области, член церковного совета
и член к-р. организации.
Присутствовал на к-р. нелегальной
ко-новстанческой организации.
Ведет активную к-р. агитацию
в советской области.
На основании уездного
ареста и привлечения
ответственности по ст. 58 п. 2, 8, 10.

За Начальника РО НКВД.
Сергей Сосудович

ВЕРДАЮ"

.....
.....
.....
1937г.

По следственному делу
№ 9836, по обвинению:
1. КОРНЯКОВА Ал-дра Афанасьевича,
2. ВОРОБЬЕВА, Ивана Дмитриевича,
3. ВОРОБЬЕВОЙ Ал-дра Григорьевича,
4. ВОРОБЬЕВОЙ Лепестины Кузовны,
5. ОСИНЦЕВОЙ Анастасии Петровны,
6. ОСИНЦЕВОЙ Анастасии Григорьевны,
7. ДОЛГИХ, Сусанна Степановна.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Я, Оперуполномоченный Сухоложского РО УГБ НКВД-сержант госбезопасности, рассмотрев 10 сентября 1937 года следственное дело по обвинению:

1. КОРНЯКОВА, Александра Афанасьевича, 1886 года рождения, уроженец с. Смолино, Покровского р-на, Челябинской области, происходит из семьи кулака, кулак-раскулаченный священника К-Озерской церкви, в старой армии служил

в чине офицера, георгиевский кавалер 3-х степеней, доброволец белой армии - с белыми отступал в Китай г. откуда в СССР прибыл в 1920 году, в 1930 году был по ст. 79 УК-на 2 года л/свободы, грамотный,

2. ВОРОБЬЕВ, Иван Дмитриевич, 1872 года рождения с. К-Озеро, Сухоложского р-на, Свердловской области не раскулаченный, член церковного совета, до 1930 был председателем церковного совета, грамотный, без определенных занятий,

3. ВОРОБЬЕВ, Александр Григорьевич, 1855 года рождения, уроженец с. К-Озеро, Сухоложского р-на, Свердловской области кулак-раскулаченный, член церковного совета с. К-Озеро Сухоложского р-на.

Семья Кузовны, 1872

Акт I. Год 1937-й.

На сцене – стол, перед ним два свободных стула, над столом висит портрет Сталина. В углу сцены стоит ВЕДУЩИЙ с пачкой бумаг в руках.

ВЕДУЩИЙ. 30 июля 1937 года был издан секретный приказ НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Начался период Большого террора в СССР, в ходе которого особыми тройками было осуждено и расстреляно свыше 680 тысяч человек.

Фабрикуя дела на «врагов народа», сотрудники НКВД стремились показать, что они объединялись в террористические организации, имевшие целью разными путями подрывать основы советского строя. Усилиями свердловских сотрудников НКВД была искусственно сконструирована «контрреволюционная фашистская террористическо-повстанческая организация церковников на Урале», один из филиалов которой якобы действовал в селе Каменное Озеро Сухоложского района Свердловской области. В Каменном Озере первыми уже 6 августа 1937 года были арестованы священник Свято-Никольской церкви о. Александр Корняков и председатель церковного совета Анастасия Петровна Осинцева. До конца августа арестовали ещё пятерых их односельчан, двух мужчин и трёх женщин. Самому старшему, Александру Григорьевичу Воробьеву, было в

то время восемьдесят лет, самой младшей, Анастасии Григорьевне Осинцевой – тридцать один год.

Следствие по делу каменноозёрцев велось в рабочем посёлке Сухой Лог, вёл его сержант госбезопасности Полунин.

Входит ПОЛУНИН, садится к столу, открывает папку с бумагами.

ПОЛУНИН (*читает документы из дела А. П. Осинцевой*). 1937 года 6 августа я, сотрудник Сухоложского райотдела УНКВД по Свердловской области Худяков, в присутствии понятого Тимухина Георгия Сергеевича, согласно ордера от 5 августа 1937 года за № 19, произвёл обыск в квартире Осинцевой Анастасии Петровны, при чём обнаружены: паспорт за номером д23 № 168298 Осинцевой Анастасии Петровны, две книги и разная переписка мужава. При обыске арестована Осинцева Анастасия Петровна...

(После небольшой паузы читает дальше).

Характеристика. Выдана Каменноозёрским сельсоветом Сухоложского района на гражданку Осинцеву Анастасию Петровну в том, что хозяйство ее до революции было середняцкое, домов 1, лошадей 2, коров 2, посева до 5 га. После революции в хозяйстве имела дом 1, лошадей 2, коров 2, сельхозмашин имела – сброску земли. Арендовала до 2-х га, занималась спекуляцией рыбой, мясом и другими продуктами. В 1921 году выбыла в производство изумрудов, вернулась в Каменное Озеро к 1935 году, где проводит контрреволюционную агитацию против колхозов. Подпись: Председатель сельсовета Бубенщиков...

(После паузы читает дальше).

Анкета арестованного. Осинцева Анастасия Петровна, родилась – декабрь 1892, место рождения – село Каменное Озеро, до революции – крестьянка-кулачка, после революции – крестьянка раскулаченная, образование – один класс сельской школы, русская, гражданство СССР. Состав семьи – трое детей: дочь Зинаида 11 лет, Нина 9 лет, сын Владимир 3-х лет, сестра Федора работает в колхозе им. Ворошилова. Подписывать анкету отказалась. Содержится под стражей в КПЗ Сухоложского райотдела милиции.

(Откладывает папку, пишет на чистом листе).

Справка на арест Осинцевой А. П. Осинцева Анастасия Петровна, 1892 года рождения, уроженка села Каменное Озеро. До 1921 года хозяйство кулацкое, после этого из села Каменное Озеро выбыла и обратно вернулась в 1935 году, без определённых занятий, председатель церковного совета, грамотная. Член контрреволюционной фашистской террористическо-повстанческой организации. На протяжении ряда лет вела активную контрреволюционную террористическо-повстанческую агитацию против Советской власти. Активная участница подготовки террористического акта над председателем сельсовета и

председателем колхоза. На основании изложенного подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности по статье 58 пункты 2, 8, 10, 11 Уголовного кодекса. За начальника райотдела НКВД сержант госбезопасности Полунин.

ВЕДУЩИЙ. Статья 58-я Уголовного кодекса РСФСР устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность. Упомянутые четыре пункта этой статьи применялись по следующим составам преступления: п. 2 – вооружённое восстание, п. 8 – террористические акты, п. 10 – антисоветская пропаганда или агитация, п. 11 – преступная деятельность в составе организации. Постановление об избрании меры пресечения также подписано сержантом Полуниным и утверждено младшим лейтенантом госбезопасности Петровым.

ПОЛУНИН. Я, оперуполномоченный Сухоложского райотделения Управления НКВД по Свердловской области Полунин, рассмотрев следственный материал по делу № 9836 и приняв во внимание, что гражданка Осинцева Анастасья Петровна, 1892 года рождения, уроженка села Каменное Озеро, кулачка не раскулаченная, муж осужден за контрреволюционную деятельность, родственники раскулачены, церковная староста, без определённых занятий, беспартийная, проживает в селе Каменное Озеро, достаточно изобличается в том, что является социально чуждым элементом и членом контрреволюционной террористической группировки, систематически среди колхозников ведет контрреволюционную террористическую агитацию, на нелегальных собраниях принимала участие и настаивала на убийстве коммунистов – руководителей Советской власти на селе, – постановил: гражданку Осинцеву Анастасию Петровну привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 8, 10, 11 Уголовного кодекса, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

ВЕДУЩИЙ. И под этим документом Анастасия Петровна, видимо, отказалась поставить свою подпись – она отсутствует. На следующий день, 7 августа, был допрошен председатель колхоза им. Памяти Ленина села Каменное Озеро Георгий Сергеевич Тимухин, 1897 года рождения, член ВКП(б). Арестованные каменноозёрцы, помимо прочего, обвинялись в том, что готовили покушение на него и на председателя сельсовета Бубенщикова.

Входит ТИМУХИН.

ПОЛУНИН. Расскажите, что вам известно о контрреволюционной деятельности священника Корнякова Александра Афанасьевича и Осинцевой Анастасии Петровны?

ТИМУХИН. В селе Каменное Озеро вокруг священника Корнякова Александра Афанасьевича и Осинцевой Анастасии Петровны организовались из контрреволюционно настроенных церковников и кулаков группа

лиц, которые на протяжении ряда лет ведут активную контрреволюционную агитацию против Советской власти, распускают различные контрреволюционные провокационные слухи, а также высказывают террористические намерения по отношению коммунистов – руководителей Советской власти на селе.

Осинцева А. П. до 1921 года кулачка, с 1921 года до 1935 года проживала неизвестно где, церковная староста. В марте 1935 года у нас в селе Каменное Озеро было собрание граждан по вопросу дововлечения в колхоз единоличников. На этом собрании выступила Осинцева Анастасия Петровна и сказала: «Вот, мы жили единолично, и нас никто не трогал, а теперь приехали коммунисты Бубенчиков и Тимухин и будоражат всю массу. Их нужно убрать! И тогда мы будем жить по-старому».

ТИМУХИН уходит.

ВЕДУЩИЙ. Другие допрошенные по этому делу односельчане, как под копирку, повторяли показания Тимухина. Иногда добавлялось и что-то новое. 41-летняя Федора Фёдоровна Осинцева вспоминала, что на одном из собраний в марте 1936 года Анастасия Петровна Осинцева якобы говорила: «Колхозников Советская власть морит пять лет голодом. Скоро колхозников будут клеймить печатью антихриста».

Особенно ценным для следствия свидетелем оказался допрошенный 26 августа 21-летний колхозник Евгений Егорович Рублёв, ранее работавший церковным сторожем. Основные его обвинения (создание антисоветской организации для борьбы с «антихристовой» властью, подготовка молодёжи к вооружённому восстанию, призывы выдвигать на выборах в Верховный Совет своих людей из числа духовенства, во время Всесоюзной переписи населения объявлять себя в анкетах верующими, агитация за убийство Сталина и сельских коммунистов) были направлены против о. Александра Корнякова, но, по словам Рублёва, все его предложения активно поддерживались обвиняемыми, в том числе Анастасией Петровной Осинцевой.

Только 8 сентября допросу была подвергнута сама А. П. Осинцева, допрашивал её всё тот же Полуниин.

Входит ОСИНЦЕВА А. П.

ПОЛУНИН. Следствию известно, что Вы являлись членом контрреволюционной террористическо-повстанческой организации. Признаёте ли себя в этом виновной?

ОСИНЦЕВА А. П. Я ни в какой контрреволюционной организации не состояла.

ПОЛУНИН (*с напором*). Вы следствию лгёте. Следствию известно, что Вы совместно с Корняковым А. А., Воробьевым И. Д., Воробьевой Л. К. и другими вели активную контрреволюционную агитацию против Советской власти. Признаёте ли себя в этом виновной?

ОСИНЦЕВА А. П. Попа Корнякова А. А., Воробьева И. Д. знаю, с Воробьевой Л. К. знакома, так как я была членом церковного совета, но никогда я никакой контрреволюционной агитацией не занималась.

ПОЛУНИН. Вы продолжаете следствию лгать. Следствию известно, что по заданию членов контрреволюционной организации Вы открыто на собраниях выступали с террористическими призывами, распускали различные контрреволюционные провокационные измышления. Признаёте ли себя в этом виновной?

ОСИНЦЕВА А. П. Нет, так как я никакой контрреволюционной агитации против Советской власти не вела.

ПОЛУНИН. Следствию известно, что Вы неоднократно присутствовали в церкви на контрреволюционных собраниях, где обсуждали вопросы о проведении контрреволюционной работы против Советской власти, о подготовке вооруженного восстания и вели террористические разговоры. Признаёте ли себя в этом виновной?

ОСИНЦЕВА А. П. Нет, так как я никогда ни на каких контрреволюционных собраниях не была.

ПОЛУНИН. Следствию известно, что 3 июля 1936 года Вы, будучи на нелегальном контрреволюционном собрании в церковной сторожке, требовали убийства председателя сельсовета Бубенщикова и председателя колхоза Тимухина. Признаёте ли себя в этом виновной?

ОСИНЦЕВА А. П. Я уже показала выше, что ни на каких контрреволюционных собраниях не была и никогда никаких разговоров о чьем-либо убийстве не вела.

ВЕДУЩИЙ. Протокол допроса подписан Анастасией Петровной Осинцевой. Не удовлетворившись допросом обвиняемой, сержант Полуниин решил устроить ей очную ставку с председателем колхоза Тимухиным, в подготовке покушения на жизнь которого она якобы участвовала. Очная ставка была назначена на 9 сентября, на неё в Сухой Лог прибыл из Каменного Озера Тимухин.

Входит ТИМУХИН, садится на стул перед следователем. Второй стул остаётся незанятым.

ПОЛУНИН. Свидетель Тимухин! Знаете ли Вы сидящую перед Вами Осинцеву А. П., и что Вам известно о ее контрреволюционной деятельности?

ВЕДУЩИЙ. Протокол очной ставки составлялся заранее, в отсутствие Анастасии Петровны Осинцевой. Фальсификация материалов

следствия в годы Большого террора была обычным делом, но в случае с очной ставкой Осинцевой и Тимухина очевидность фальсификации была вопиющей. Тимухин, как ни в чём не бывало, отвечал на вопрос следователя в отсутствие обвиняемой, с которой у него была очная ставка.

ТИМУХИН. Осинцева Анастасия Петровна по приезду в село Каменное Озеро вошла в члены церковного совета и совместно с кулаками и церковным активом Воробьевым И. Д., Воробьевым А. Г., попом Корняковым А. А., Воробьевой Л. К. и другими проводила контрреволюционную агитацию против Советской власти и ее мероприятий. Так, в марте 1935 года у нас в селе Каменное Озеро было собрание граждан по вопросу довлечения единоличников в колхоз. На этом собрании в своем выступлении Осинцева А. П. говорила: «Вот, мы жили единолично и нас никто не трогал, а теперь приехали коммунисты Бубенщиков и Тимухин и будоражат всю массу. Их нужно убрать! И тогда мы будем жить по-старому».

В марте 1936 года в селе Каменное Озеро было участковое собрание граждан, где в своем выступлении Осинцева А. П. говорила: «Что Вы нас все время уговариваете? Вы уже 5 лет морите колхозников с голоду. Наступит скоро время, когда колхозников будут клеймить печатью антихриста, и тогда сбудется библейское писание».

После того, как 3 июля 1936 года граждане закрыли церковь, то Осинцева А. П. совместно с Корняковым А. А., Воробьевым И. Д. и другими собирались на нелегальное собрание в церковной сторожке, где обсуждали вопрос об убийстве Бубенщикова и меня, Тимухина. Кроме того, вышеуказанными лицами в последующие дни была организована из стариков и старух контрреволюционная массовка, которые, придя к сельсовету, требовали оставления церкви.

ПОЛУНИН. Обвиняемая Осинцева! Слыхали ли Вы показания сидящего перед Вами Тимухина, и признаёте ли себя в этом виновной?

ВЕДУЩИЙ. Не могла видеть Анастасия Петровна сидящего перед нею Тимухина. Мужественная женщина категорически отказалась выходить на очную ставку из камеры, в которой её, полупарализованную, держали.

ТИМУХИН встаёт со стула и выходит.

Не случайно ответ Тимухина на вопрос следователя на так называемой очной ставке дословно повторяет его же показания на допросе, остальное взято было из показаний других свидетелей. Разыгравшаяся в райотделе милиции Сухого Лога драма описана в документе, тогда же составленном следователем Полуниным.

ПОЛУНИН (*нишею*). Акт. 1937 года сентября 9-го дня я, оперуполномоченный Сухоложского райотдела Управления госбезопасности НКВД сержант

государственной безопасности Полуниин, в присутствии дежурного милиционера по КПЗ райотдела милиции Секачева и милиционера Бекетова составил настоящий акт в том, что сего числа мною была вызвана для проведения очной ставки обвиняемая Осинцева Анастасия Петровна, которая милиционеру Копылову отказалась выйти из камеры в дежурную комнату, находящуюся рядом, для очной ставки со свидетелем Тимухиным. То Осинцева А. П. выйти из камеры отказалась, заявив: «Что хотите, то и делайте со мной, расстреливайте здесь, но я из камеры никуда не пойду». В чем и составил настоящий акт.

ВЕДУЩИЙ. На следующий день, 10 сентября 1937 года, сержант Полуниин завершил следствие по делу Александра Афанасьевича Корнякова, Анастасии Петровны Осинцевой, Ивана Дмитриевича Воробьёва, Александра Григорьевича Воробьёва, Лепестины Кузьмовны Воробьёвой, Анастасии Григорьевны Осинцевой и Сусанны Степановны Долгих и постановил направить его на рассмотрение Особой тройки Управления НКВД по Свердловской области.

ПОЛУНИИН (*читает сформулированное им обвинение*). Являясь членами филиала контрреволюционной фашистской террористическо-повстанческой организации по Уралу, вели активную подготовку вооруженного восстания, в целях свержения Советской власти, на неоднократных контрреволюционных нелегальных собраниях обсуждали террористическо-повстанческие вопросы, впоследствии среди населения делали призывы объединяться вокруг церкви в целях борьбы с Советской властью, открыто призывали к совершению убийства коммунистов – руководителей Советской власти на селе, распускали различные контрреволюционные провокационные измышления о голоде, о том, что колхозников будут клеймить печатью антихриста, призывали выходить из колхоза, подготавливали убийство коммунистов – председателя сельсовета Бубенщикова и председателя колхоза Тимухина, для чего член контрреволюционной организации Долгих С. С. с сыном Долгих А. Е. купили охотничье ружьё и картечь.

ВЕДУЩИЙ. В тот же день подготовленное Полуниным обвинительное заключение и все следственные материалы были отправлены в Свердловск на рассмотрение Особой тройки Управления НКВД по Свердловской области. 25 сентября 1937 года шестеро каменноозёрцев, в том числе Анастасия Петровна Осинцева, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Спустя четыре дня, 29 сентября в полночь, приговор был приведён в исполнение.

Той же тройкой 21 ноября 1937 года Анастасия Григорьевна Осинцева была приговорена к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

ВІСНОК № 11/12

..... по Сремському однесу до

..... збожља збожља

..... 1937 г. о..... 29. маја.

..... 28. септембра

..... 29. септембра 1937 г.

..... 1937 г. о.....

СРЕДНА ШКОЛА
БЕЛОГРАДИЦА

.....

Акт II. Год 1965-й.

На сцене – то же, но над столом висит портрет Брежнева. За столом сидит следователь следственного отдела Управления КГБ по Свердловской области ОРЛОВ. В углу сцены стоит ВЕДУЩИЙ с пачкой бумаг в руках.

ВЕДУЩИЙ. Отбыв десятилетний срок заключения в Кировлаге, Анастасия Григорьевна Осинцева в 1947 году вернулась в родное село, работала в колхозе. Уже в шестидесятые годы она столкнулась с новой несправедливостью, после чего решила добиваться полного восстановления в своих гражданских правах. 15 февраля 1965 года Анастасия Григорьевна обратилась с заявлением на имя председателя Свердловского областного суда.

Входит ОСИНЦЕВА Анастасия Григорьевна.

ОСИНЦЕВА А. Г. Я, Осинцева Анастасия Григорьевна, с 1906 года рождения, русская, беспартийная, ранее не судимая, член колхоза «Путь к коммунизму» с 1936 года. В 1937 году 21 ноября была заочно осуждена по делу УНКВД по Свердловской области за контрреволюционную деятельность.

Виновной я себя ни в чём не считала, да меня в то время об этом никто и не спрашивал. Осудили меня на срок 10 лет без поражения в правах. Срок на-

казания я отбывала в исправительном лагере «К» Кайского района Кировской области. За время нахождения в заключении я потеряла ребёнка, которому в то время было три недели, и он находился при мне в заключении. Вторым ребёнком двух лет был оставлен на попечение моей не родной матери по месту моего жительства до заключения. Я потеряла мужа, погибшего в годы Отечественной войны в 1941 году.

Освободили меня в 1947 году, и я снова прибыла на постоянное место жительства в село Каменное Озеро, где и работаю по настоящее время, являясь членом колхоза. В 1961 году с наступлением 55-летнего возраста работать я перестала и получила колхозную пенсию. Сейчас по постановлению Совета Министров СССР от 17 октября 1964 года за № 859 все члены колхоза переходят на государственное обеспечение при трудовом стаже не менее 20 лет. Общий трудовой стаж у меня 15 лет, я лишена возможности получения пенсии, так как время нахождения в заключении в трудовой стаж не включается.

Прошу рассмотреть моё дело и реабилитировать меня, чтобы я имела возможность на обеспечение по старости.

ВЕДУЩИЙ. Только после этого дело каменноозёрцев было извлечено из архива, и началось новое расследование. 1 сентября 1965 года следователем следственного отдела Управления КГБ по Свердловской области лейтенантом Орловым допрошена была и сама Анастасия Григорьевна Осинцева.

ОСИНЦЕВА А. Г. В деревне Каменное Озеро я стала проживать с семилетнего возраста. Я осталась сиротой и воспитывалась у чужих людей. В 1935 году примерно я стала работать в колхозе. В эти же годы я вышла замуж за Осинцева Николая Григорьевича, который работал продавцом в магазине нашего села. Муж был вдовцом, у него на руках было трое детей. К 1937 году у нас с ним семья увеличилась ещё, всего стало пятеро детей.

В отношении общественной и политической жизни и обстановки в нашем селе в те годы я не могу ничего сказать, так как сидела с детьми и на собраниях в колхозе не бывала. Председателем колхоза в 1937 году, как мне помнится, работал Тимухин Егор Сергеевич, а председателем сельского совета Бубенщиков Алексей, не помню его отчества. После замужества мне не приходилось бывать в церкви, детей я не крестила – в те годы я была молодая, а молодёжь в церковь не ходила. Я работала хорошо, замечаний в мой адрес от руководства колхоза – председателя, или со стороны сельского совета не было.

22 августа 1937 года ночью ко мне домой пришли сотрудники НКВД и меня арестовали. У меня на руках был ребёнок, родившийся у меня за три недели до ареста. В телеге вместе со мною повезли нашу односельчанку Долгих Сусанну – не помню её отчества. Долгих в 1937 году была уже старушкой. Я запомнила её ещё и потому, что у неё в семье дети были калеки: один сын

немой, другой ещё что-то. Мне ничего не сказали, за что арестовали, провезли в Сухой Лог и посадили в одну камеру с Долгих. Она также не знала, за что её туда привезли и держали в камере.

Я находилась в камере с Долгих около месяца, со мною никто не разговаривал, не допрашивал. Наконец, меня вызвали на допрос, в кабинете сидело двое мужчин. Они стали меня спрашивать, хожу ли я в церковь. Я ответила, что в церковь я не хожу. Сотрудники НКВД стали настаивать, чтоб я дала показания, являюсь ли я «церковницей», как они выразились, но я повторила, что с церковью я ничем не связана, и они меня отпустили обратно в камеру. Разговор был очень короткий, минут пять или десять.

Один из мужчин что-то писал, но что, я не знаю, мне ничего не зачитывали. Я хорошо помню, что подписывать мне документов не давали, я и не умею подписываться, и никого не пригласили, чтоб за меня расписался. Через несколько дней меня вызвали снова. В кабинете следователя сидела моя соседка Осинцева Федора Фёдоровна, – не помню, сколько ей лет, но она старше меня. Следователь обратился к Федоре и сказал: «Ну, давай, Осинцева, показывай всё на Осинцеву Анастасию».

Федора опустила голову и молчит. Так промолчали около часа. Я не выдержала и сказала ей, что раз пришла сюда, давай, говори на меня, – у меня ребёнок болел, я держала его на руках, – и сказала Федоре, чтоб не тянула эту молчанку. В конечном итоге Федора сказала тихо, что я, якобы, говорила, что работать в колхозе грех. Следователь Федоре предложил говорить ещё, сказав, что этого недостаточно, но Федора больше ничего не сказала. На этом очная ставка и закончилась.

Я помню, что следователь предлагал мне подписать что-то, но я неграмотная и не расписалась. При мне никого не приглашали, чтоб расписаться за меня. Федоре при мне также не предлагали ничего подписывать. После очной ставки следователь протокола вслух не зачитывал, и я не знаю, что там писалось. Я никаких документов не подписывала, и за меня никто не подписывал при мне.

Вскоре после очной ставки меня посадили в автомашину, где я впервые увидела односельчан – старушка Воробьёва Лепестинья, два старика, Воробьёв Иван и Воробьёв Александр. Была ещё там Осинцева Анастасия Петровна, – я её запомнила, она была разбита параличом, и одна рука и нога не гнулись. По дороге в Свердловск мы ни о чём не разговаривали – в машине сидел сотрудник. Кроме того, в этой же машине сидел священник церкви нашего села, Корняков Александр, не помню его отчества.

За что арестовали этих односельчан, я не знала и не знаю до сих пор. У меня с этими людьми не было ничего общего, я ранее в селе ни с кем из них не дружила, они все старше меня, и мне не приходилось с ними бывать ни в компаниях, ни так просто ходить друг к другу.

В Свердловске меня с ребёнком оставили во дворе тюрьмы, а всех односельчан завели в здание. С тех пор я с этими односельчанами не встречалась. Вскоре меня вызвали вместе с другими женщинами, и каждой под расписку объявляли, сколько дали лет заключения. Мне объявили десять лет исправительно-трудовых лагерей, я так и не расписывалась.

С тех пор я находилась в Свердловской тюрьме восемнадцать месяцев. Ребёнок у меня умер. По истечении этого срока меня отправили в Кировскую область, где я в лагере отбыла полных десять лет. Никто меня не вызывал, не спрашивал, я сама не обращалась с просьбами о пересмотре моего дела.

Освободилась я в 1947 году, приехала обратно в своё село, где работала в колхозе до 1962 года. Сейчас в связи с плохим здоровьем не работаю, вожусь с внучатами. За какие преступления или проступки я понесла такое наказание, я не знаю до сих пор. Никогда я и ни с кем не говорила о том, что Советская власть плохая, её свергнут, или что-либо в адрес колхозов – этого не бывало. Ни о каких контрреволюционных организациях в нашем селе Каменное Озеро или в окрестности я не слыхала и не знаю, были ли таковые.

ОРЛОВ. Знаете ли Вы Рублёва Евгения Егоровича, Осинцева Андрея Гурьяновича, Савина Ивана Ананьевича, Осинцева Ивана Дмитриевича, и если знаете, то каковы были Ваши взаимоотношения?

ОСИНЦЕВА А. Г. Всех указанных лиц я знаю с детских лет как односельчан. Со всеми у меня были хорошие отношения. Из всех названных в селе сейчас остался и живёт Осинцев Иван Дмитриевич, у меня с ним нормальные соседские отношения, и вообще в селе я ни с кем не ссорилась, и со всеми у меня взаимоотношения нормальные.

ОРЛОВ. Вам приходилось слышать о намерениях кого-либо убить председателя колхоза и сельского совета в селе Каменное Озеро в 1937 году?

ОСИНЦЕВА А. Г. Такого мне никогда не приходилось слышать, и я по этому вопросу ничего не могу сказать.

ОРЛОВ. Знаете ли Вы какие-либо недовольства или критические замечания в адрес Советской власти или колхозов со стороны односельчан в 1935-1937 годах?

ОСИНЦЕВА А. Г. Нет, ни от кого мне не приходилось слышать недовольств Советской властью или колхозами ни в прошлые годы, ни в настоящее время. Таких недовольств я не слыхала и от бывших стариков и старушек в 30-е годы.

ОСИНЦЕВА А. Г. уходит.

ВЕДУЩИЙ. Допрошена была жительница села Каменноозёрского Анастасия Петровна Воробьёва, ровесница Анастасии Григорьевны Осинцевой, бывшая с 1936 года членом правления колхоза «Память Ленина» и присутствовавшая на всех собраниях.

Входит ВОРОБЬЁВА.

ВОРОБЬЁВА. На этих собраниях никогда не было случая, чтоб кто-нибудь встал и начал говорить о том, что нам колхозы не нужны, или призывал к выходу из колхоза. Из всех указанных мне арестованных в 1937 году никто никогда не выступал на собрании или просто так среди колхозников в моём присутствии с критическими замечаниями в адрес Советской власти или колхозов. И мне до сих пор неизвестно, что сделали плохого эти старики и священник Корняков, за что их арестовали.

Хорошо помню я и Рублёва Евгения Егоровича, он был болен и не мог работать. Помню, что Рублёв с большой злобой и недовольством относился к старикам и старушкам, ходившим в церковь, но почему он рассердился на стариков, я не знаю. Это было ещё в то время, когда работал священником Корняков в 1936-1937 годах.

В 1935-1938 годах мне никто не говорил о каких-либо намерениях убить председателя колхоза Тимухина и председателя сельсовета Бубенщикова. Я об этом не слышала, а, следовательно, и не говорила такого ни Тимухину, ни Бубенщикову. Такого разговора в нашей деревне мне вообще не приходилось ранее слышать.

ВОРОБЬЁВА уходит.

ВЕДУЩИЙ. Об этом же говорили и другие допрошенные Орловым каменноозёрцы: Григорий Гаврилович Ровнушкин, Иван Дмитриевич Осинцев. Следователь пытался разыскать главного свидетеля и самого рьяного обвинителя односельчан – церковного сторожа Рублёва, но того уже не было в живых: в полученной справке из Фоминского дома инвалидов сообщалось, что Евгений Георгиевич Рублёв скончался 21 сентября 1963 года от эпилепсии. Бывшего председателя сельсовета Бубенщикова разыскать также не удалось, поэтому особую важность для следствия представлял допрос бывшего председателя колхоза Тимухина: подтвердит ли он свои показания против односельчан, которые якобы готовили покушение на него?

Входит ТИМУХИН.

ТИМУХИН. По направлению райкома партии в 1935 году я стал работать председателем колхоза им. Памяти Ленина в селе Каменное Озеро. Колхоз здесь был экономически слаб, но у меня получилось удачно: в 1935 году был урожай, и колхозники получили хлеб на трудодни. В 1936-37 годах урожаи были ещё лучше, и настроение у людей было хорошее. Достаточно сказать, что в 1936 году всё население деревни Каменное Озеро являлись членами колхоза.

В эти годы я очень часто проводил собрания. Они проходили активно, не было случая, чтоб в 1935-37 годах кто-нибудь из жителей колхоза им. Памяти Ленина на собрании выступал с недовольствами в адрес Советской власти или колхозов. Люди жили лучше: например, в 1937 году колхозники получили по пять-шесть килограммов хлеба на трудодень. Поэтому и не было, и не могло быть разговоров о том, что в колхозе плохо.

В 1937 году в нашей церкви работал священником Корняков – имени и отчества его не помню. Я неоднократно вызывал Корнякова и предлагал ему закрыть церковь, но он отказывался. Из района приезжал уполномоченный и потребовал провести собрание, чтоб закрыть церковь. Первое собрание состоялось, но оно было неправомочным, так как пришло мало людей, поэтому ничего здесь и не решили.

ВЕДУЩИЙ. На самом деле собрание было правомочным, но предложение закрыть храм и отдать здание под клуб не получило поддержки большинства его участников.

ТИМУХИН (*продолжает*). На втором собрании, как мне помнится, решили единогласно закрыть церковь. По этому поводу у нас никакого шума или волнений среди сельчан не было.

ВЕДУЩИЙ. Опять память подводит председателя колхоза, или он сознательно лукавит. После того, как на повторном собрании решение о закрытии церкви было принято, верующие неоднократно пытались обжаловать его, ссылаясь на многочисленные нарушения в организации повторного собрания и в оформлении принятого на нём решения. Закрытие церкви в октябре 1936 года вызвало протестную акцию верующих, в основном пожилых людей. После их обращения во ВЦИК СССР в Каменное Озеро была назначена проверка, провести которую поручили сотрудникам НКВД. Не удивительно, что проверка подтвердила законность закрытия храма.

ТИМУХИН (*продолжает*). В церкви до её закрытия работал пономарём молодой парень, инвалид Рублёв Евгений Егорович. С целью отрыва его от религии я принял Рублёва в колхоз, дал ему хлеба, устроил на работу сторожем. Рублёв мне как-то и рассказал, что Долгих Сусанна (не помню отчества, в 1937 году ей было около пятидесяти лет), Осинцева Анастасия Петровна – старушка, и Осинцева Анастасия Григорьевна, эта была молодая, – собрались и, полагая, что виновники закрытия церкви – это я и председатель сельсовета Бубенщиков Николай Алексеевич, решили убить меня и Бубенщикова. Они задумали это сделать руками сына Долгих Сусанны (его звали Александр, он был немой), рассчитывая, что, когда я приду забирать у Долгих Сусанны корову за неуплату долгов государству, Александр из ружья выстрелит в меня и Бубенщикова.

Это рассказал Рублёв Евгений. Зная об этом, я вызвал милиционера из района, и пришли в дом к Долгих. Милиционер под угрозой оружия удерживал Александра, а я угнал корову.

Тогда эти женщины, как мне рассказал Рублёв, решили напоить меня и Бубенщикова брагой у Осинцевой Анастасии Григорьевны, якобы с её ведома и согласия. Я поехал в Сухой Лог в НКВД и заявил об этом. Заявления письменного я не подавал, я сказал устно.

Вскоре к нам в деревню приехали два сотрудника НКВД, они всё узнавали здесь несколько дней. Церковь в это время была уже закрыта, и о ней никто не вёл разговоров. Вскоре эти двое сотрудников НКВД уехали и, вернувшись, арестовали Долгих Сусанну, Осинцеву Анастасию Петровну и Осинцеву Анастасию Григорьевну, и вместе с ними же был арестован Корняков. За что они арестовали Корнякова, я не знаю, так как мне о нём Рублёв не говорил ничего плохого. Позднее я узнал, что были арестованы ещё в нашем селе Воробьёв Иван Дмитриевич, Воробьёв Александр Григорьевич, Воробьёва Лепестинья (не помню её отчества) – все они глубокие старики в то время. Но за что арестовали этих людей, я не знаю и не знал в 1937 году.

После этого меня вызвали вместе с Рублёвым и Осинцевой Федорой Фёдоровной в Сухоложский НКВД. Меня, Рублёва и Осинцеву Федору Фёдоровну посадили всех вместе в одном кабинете рядом и стали вызывать по одному арестованных. Вначале привели Долгих Сусанну и Осинцеву Анастасию Петровну вместе. Следователь спросил их, был ли у них разговор, чтоб убить Тимухина и Бубенщикова. Осинцева Анастасия Петровна и Долгих отрицали такой факт. Их увели. Затем привели Осинцеву Анастасию Григорьевну, спросили её, хотела ли она отравить меня и Бубенщикова брагой. Осинцева ответила, что она и другие решали, но совершенно не так. Чтó они решали, она не сказала, а Рублёв прямо ей говорил, что она, то есть Осинцева Анастасия Григорьевна, и Осинцева Анастасия Петровна, вместе с Долгих Сусанной, хотели вначале застрелить, а затем отравить меня и Бубенщикова. Осинцева Анастасия Григорьевна отрицала это. Её увели.

Затем привели Корнякова, спросили его, следователь задавал вопросы, хотел ли он убить меня и Бубенщикова. И хоть Рублёв Евгений подтверждал уже здесь, что Корняков тоже договаривался с этими женщинами о моём убийстве, Корняков категорически отказался и сказал, чтоб его в это дело не путали.

Следователь ничего не писал, никто из нас никаких документов не подписывал, я лично ни одного документа не подписывал ни за себя, ни за других. Вся эта очная ставка в разговорном порядке прошла минут за двадцать или сорок, и мы уехали домой. Я хорошо помню, что ни Рублёв, ни Федора в моём присутствии не расписывались, мы вместе и уехали домой.

В отношении допросов могу сказать, что я был единственный раз вот на описанной выше очной ставке, и больше меня не вызывали и не допрашивали. О Корнякове я могу сказать, как бывший председатель колхоза, что он в селе Каменное Озеро никогда не мешал нам строить колхозную жизнь, не выступал никогда с антисоветскими проповедями, – это бы мне сразу сказали многие, да и сам Рублёв бы сказал, но от него я никогда не слышал плохого о Корнякове.

ОРЛОВ. Вам предъявляется протокол свидетеля Тимухина Георгия Сергеевича на пяти листах от 7 августа 1937 года. Вами ли исполнены подписи на этом протоколе?

ТИМУХИН (*берёт из рук следователя протокол, рассматривает его*). Подписи исполнены мною, это я могу сказать определённо.

ОРЛОВ. Подтверждаете ли Вы свои показания?

ТИМУХИН. Я уже многое позабыл, не помню, кто и что говорил, но раз записано в протоколе, стоят мои подписи, следовательно, я считаю протоколы правильными. Я не помню, давал ли такие показания, зачитывали ли мне их, но подпись моя. Поэтому я делаю вывод, что всё указанное в протоколе правильно.

Я хорошо помню, что Воробьёв Иван Дмитриевич, Воробьёв Александр Григорьевич, Воробьёва Лепестинья Кузьмовна, Осинцева Анастасия Петровна, Осинцева Анастасия Григорьевна, Долгих Сусанна – они были в преклонном возрасте, кроме Анастасии Григорьевны, и все выступали против закрытия церкви. Однако врагами Советской власти я их не считал никого и не считаю сейчас.

ОРЛОВ. Как объяснить тот факт, что в показаниях от 7 августа 1937 года вы указываете на лиц, входивших в контрреволюционную группу в Вашем селе, – всех перечисленных лиц, указав здесь же и Корнякова, но не упоминаете ни словом об Осинцевой Анастасии Григорьевне, а в показаниях от 2 сентября 1965 года называете её как участника, стремившегося отравить Вас и Бубенщикова, причём об отравлении в 1937 году Вы вообще не показывали?

ТИМУХИН. Я не могу сказать, почему я в 1937 году ничего не сказал следователю о том, что хотели меня отравить Осинцева Анастасия Петровна, Долгих Сусанна и Осинцева Анастасия Григорьевна. Я полагаю, что раз Осинцева Анастасия Григорьевна была посажена органами НКВД на десять лет, зря бы не посадили. Объяснить, почему я ничего не сказал об Осинцевой Анастасии Григорьевне в 1937 году, я не могу, но я всё это говорю сейчас потому, – да и в 1937 году, – лишь со слов Рублёва.

ОРЛОВ. Как объяснить, что сейчас Вы дали показания о том, что закрытие церкви в селе Каменное Озеро было произведено спокойно, без волнений, и вместе с тем Вы подтверждаете показания от 7 августа 1937 года, где говорится о большом сопротивлении жильцов села против закрытия церкви?

ТИМУХИН. Я просто забыл и поэтому дал такие показания. Борьба была в отношении закрытия церкви, вернее, старики не хотели, чтоб закрыли церковь, и выступали против.

ОРЛОВ. Из каких источников Вам было известно, что в селе была контрреволюционная группа из семи человек, перечисленная в протоколе допроса от 7 августа 1937 года?

ТИМУХИН. Я такой вывод сделал из высказываний стариков и старух в защиту церкви. Задача была закрыть церковь, поэтому я записывал для себя их

высказывания, а затем сообщил в органы НКВД. Это всё велось для того, чтоб закрыть церковь. Ни о какой контрреволюционной пропаганде или организации с целью свержения Советской власти со стороны этих семи стариков и старух не может быть и речи, но после их ареста все утихомирились и церковь закрыли. Это я утверждаю вполне определённо и точно.

ВЕДУЩИЙ. На самом деле церковь в Каменном Озере была закрыта в октябре 1936 года, аресты же произведены спустя десять месяцев.

ОРЛОВ. Вы помните, кто Вам говорил о намерении Вас убить, Рублёв или Воробьёва Анастасия Петровна?

ТИМУХИН. Я знаю, что дело всё это пошло от Рублёва, но от кого я узнал первого, от него или Воробьёвой, как это указано в протоколе от 7 августа 1937 года, я не знаю. Но о том, что меня хотели убить и отравить, знали многие колхозники. Сейчас их нет в деревне. Но я считаю, раз в протоколе допроса от 7 августа 1937 года я давал показания о том, что о намерении меня убить верующими мне сказала Воробьёва Анастасия Петровна, – это, значит, правильно.

ОРЛОВ. В чём выражалась деятельность в защиту церкви и связь с Корняковым со стороны Осинцевой Анастасии Григорьевны?

ТИМУХИН. Об Осинцевой Анастасии Григорьевне я лично ничего не могу сказать, так как ничего не знаю. О том, что у Осинцевой должны были сварить брагу, чтоб отравить меня и Бубенщикова, я узнал от Рублёва. При этом я хочу уточнить, что Долгих Сусанна и Осинцева Анастасия Петровна договаривались меня отравить брагой у Осинцевой Анастасии Григорьевны, но знала ли об этом Осинцева Анастасия Григорьевна, я не знаю. И вообще, знала ли Осинцева Анастасия Григорьевна, что меня хотят убить, я не знаю, – это говорил мне Рублёв.

ОРЛОВ. Вам предьявляется протокол очной ставки между Тимухиным Георгием Сергеевичем и Осинцевой Анастасией Петровной от 9 сентября 1937 года. Вами исполнена подпись на протоколе?

ТИМУХИН (*берёт протокол, читает*). Да, мною.

ОРЛОВ. Расскажите об обстоятельствах проведения очной ставки с Осинцевой Анастасией Петровной в 1937 году.

ТИМУХИН. Осенью 1937 года меня вызвали в НКВД Сухого Лога. У следователя в комнате я сидел вместе с Рублёвым Евгением Егоровичем и Осинцевой Федорой Фёдоровной. Первоначально завели в кабинет Осинцеву Анастасию Григорьевну, она была одна, без ребёнка. (*Поправляется*). Следователь пригласил вначале не Анастасию Григорьевну, а Осинцеву Анастасию Петровну – старушку. Я спутал. Так вот, следователь спросил Анастасию Петровну, признаёт ли она себя виновной в подготовке убийства Тимухина. Осинцева Анастасия Петровна отказалась, заявив, что убийства она никакого не готовила. А Рублёв ей ещё сказал, что Анастасия Петровна знала о подготовке убийства Тимухина.

После того, как Анастасия Петровна не признала себя виновной, привели Осинцеву Анастасию Григорьевну, и здесь же, в присутствии старушки Анастасии Петровны, следователь повторил вопрос Осинцевой Анастасии Григорьевне. Она также отказалась. Затем привели Корнякова и тоже в присутствии Осинцевых Анастасии Петровны и Григорьевны спросили о подготовке убийства меня и Бубенщикова, но он тоже отказался признать это. Других вопросов ни Корнякову, ни Осинцевой Анастасии Григорьевне, ни Осинцевой Анастасии Петровне не задавали.

Хочу дополнить, что сюда же на очную ставку приводили и Долгих Сузанну, которая заявила, что она не хотела отравить, а желала, чтоб я и Бубенщиков где-нибудь запились водкой или брагой. Виновной она себя не признала. На этих очных ставках я и Федора сидели и ничего не говорили, так как мы и ничего не знали, а говорил один Рублёв.

ВЕДУЩИЙ. Желая выгородить себя, Тимухин упорно сваливает всё на Рублёва, которого к тому времени уже не было в живых.

ОРЛОВ. Это протокол очной ставки между свидетелем Тимухиным Георгием Сергеевичем и обвиняемой Осинцевой Анастасией Петровной от 9 сентября 1937 года. *(Передаёт протокол Тимухину)*. Что Вы можете пояснить?

ТИМУХИН *(просматривает протокол)*. Свои показания от 9 сентября 1937 года я подтверждаю. Я вспомнил, что действительно я давал показания на очной ставке и подписывал протокол, но все абсолютно эти сведения – о намерении меня убить и Бубенщикова, об контрреволюционной массовке я рассказал со слов Рублёва, сам я этого не видел и не слышал. И хорошо помню, что напротив меня сидела Осинцева Анастасия Петровна.

ОРЛОВ. Что Вы можете пояснить по акту, составленному следователем Полуниным?

ТИМУХИН. Я хорошо помню, что со мною на очной ставке в 1937 году в Сухоложском НКВД была Осинцева Анастасия Петровна. Со мною вместе на очной ставке были Рублёв и Федора Фёдоровна, и почему появился такой акт, я не знаю.

Входит ОСИНЦЕВА Анастасия Григорьевна, садится напротив ТИМУХИНА.

ОРЛОВ *(спрашивает Осинцеву А. Г.)*. В то время, когда Вы были арестованы в 1937 году, с кем проводились очные ставки?

ОСИНЦЕВА А. Г. Во время моего ареста в Сухом Логу у меня была одна очная ставка, только с Осинцевой Федорой Фёдоровной. Больше ни с кем у меня очных ставок не было, это я хорошо помню.

ОРЛОВ *(обращается к Тимухину)*. Вы подтверждаете показания Осинцевой А. Г.?

ТИМУХИН. Нет, не подтверждаю. На очной ставке с Осинцевой Анастасией Григорьевной в 1937 году были Федора Фёдоровна, я и Рублёв. Меня на этой очной ставке в отношении сидящей напротив Осинцевой Анастасии Григорьевны ни о чём не спрашивали, а спрашивали Федору и Рублёва. Я помню, что я был на очной ставке с Осинцевой Анастасией Григорьевной. Она была одна, без других арестованных.

ОРЛОВ (*обращается к Осинцевой А. Г.*). Вы подтверждаете свои показания?

ОСИНЦЕВА А. Г. Да, свои показания я подтверждаю. За время следствия в 1937 году у меня была единственная очная ставка с одной Осинцевой Федорой Фёдоровной. И почему Тимухин говорит, что он с Рублёвым также присутствовали на очной ставке, я не знаю. У меня с собою был трёхнедельный ребёнок, и я не оставляла его в камере, когда меня вызывали на допрос, а вызывали меня всего лишь дважды. Тимухин говорит неправду, он просто ошибается, как мне кажется.

ОРЛОВ (*вновь спрашивает Тимухина*). На очной ставке с Вашим участием Осинцева Анастасия Григорьевна была одна или с ребёнком?

ТИМУХИН. Осинцева А. Г. на очной ставке со мною, Федорой и Рублёвым была одна, без ребёнка. И был ли у неё при аресте ребёнок, я не знаю, но допускаю, что мог забыть, была ли она с ребёнком.

ТИМУХИН и ОСИНЦЕВА А. Г. уходят.

ВЕДУЩИЙ. Для выяснения того, что на самом деле происходило на очной ставке Анастасии Григорьевны Осинцевой в Сухом Логу в сентябре 1937 года, допрошена была Федора Фёдоровна Осинцева.

Входит ОСИНЦЕВА Федора Фёдоровна.

ОСИНЦЕВА Ф. Ф. Со мною рядом жила тогда в соседях Осинцева Анастасия Григорьевна, которая с детства воспитывалась у чужих людей. Однажды я зашла к Анастасии Григорьевне, которая мне высказала, что не будет скоро Советской власти, ненадолго она. Прошло много времени после этого разговора, около полугода.

Осенью 1936 или 1937 года ко мне в поле подъехал председатель колхоза Тимухин и предложил мне поехать с ним в Сухой Лог в НКВД. Я ещё удивилась, зачем я там понадобилась. Тимухин ответил: надо.

Приехали в Сухой Лог. В здание НКВД заходить было нельзя, – это объяснил мне Тимухин, мы сели с ним на крылечке, и здесь Тимухин мне объяснил, зачем он меня привёз. Тимухин сказал, что они, то есть правление, закрывают церковь, и просит меня помочь им закрыть церковь. При этом он попросил меня сказать в НКВД, что я была на собраниях по закрытию церкви,

хотя я в действительности на таких собраниях не бывала и не знаю, были ли они. О чём мне ещё говорил здесь Тимухин, я не помню.

Затем Тимухин проводил меня к сотруднику НКВД и сам вышел. Сотрудник НКВД допрашивал меня часа три – спрашивал о жителях деревни, при этом всё больше интересовался стариками да старухами, которые не хотели закрытия церкви. Я об этих стариках мало что знала, поэтому сотрудник НКВД всё подробно меня о них спрашивал. Мне уже надоело, я возьми да и скажи: что о стариках-то говорить, когда молодые вон что говорят. Сотрудник НКВД и стал меня дотошно спрашивать, кто эти молодые. Я взяла и, не подумав, высказала слова Осинцевой Анастасии Григорьевны, и сказала, что именно она это говорила. Сотрудник НКВД записал в протокол и, вызвав Тимухина, прочитал при нём вслух и спросил его, правильно ли я показала. Тимухин ответил, что правильно.

После этого меня ещё раз вызывали в Сухоложский НКВД. С кем я ездила, не помню, но помню хорошо, что у меня была очная ставка с Анастасией Григорьевной. Я была одна в присутствии сотрудника НКВД, ни Тимухина, ни кого-либо другого со мною в кабинете не было. Я на очной ставке только повторила её слова. Осинцева Анастасия Григорьевна была с ребёнком на руках, хотела мне что-то ответить, но сотрудник НКВД не разрешил ей говорить.

Больше я ни на каких очных ставках не присутствовала. Я, конечно, не думала о том, что за эти слова Анастасию Григорьевну посадят. Когда она освободилась в 1947 году, мы с ней вместе работали в колхозе.

ОРЛОВ (*подаёт ей протокол допроса*). Подтверждаете ли Вы свои показания от 7 августа 1937 года?

ОСИНЦЕВА Ф. Ф. Я их не подтверждаю, и вот по каким обстоятельствам: о том, что в селе Каменное Озеро действовала контрреволюционная организация во главе с Корняковым, я не знала, я вообще мало знала священника Корнякова. Кто в эту организацию входил, мне прочитали сотрудники НКВД.

Никакой открытой агитации против Советской власти в селе у нас не было. На собраниях, о которых идёт речь в протоколе допроса Осинцевой Ф. Ф. от 7 августа 1937 года, я не присутствовала и антисоветских высказываний не слышала, сама я на собраниях, собиравшихся для закрытия церкви, не бывала и не выступала там. С Осинцевой Анастасией Петровной я никогда не дружила и не ходила к ней домой. Напротив, я была в хороших отношениях с Тимухиным, председателем колхоза, и вряд ли бы мне Осинцева Анастасия Петровна стала говорить, что они хотят убить Тимухина и Бубенщикова. Она мне этого не говорила.

Возможно, что кто-нибудь из стариков и говорил что-либо в защиту церкви, но что именно, я не помню. Осинцева Анастасия Григорьевна мне, конечно, не говорила о том, что нужно поубивать коммунистов, ибо я сама была активисткой. Говорила ли Анастасия Григорьевна о колхозах, я не помню.

ОРЛОВ. Вот протокол очной ставки свидетеля Осинцевой Федоры Фёдоровны с обвиняемыми Осинцевой Анастасией Григорьевной и Воробьёвой Лепестиньей Кузьмовной (*передаёт ей протокол*). Подтверждаете ли Вы показания, данные 9 сентября 1937 года?

ОСИНЦЕВА Ф. Ф. (просмотрев протокол). Я эти показания не подтверждаю. То, что мне говорила Осинцева Анастасия Григорьевна о недолговечности Советской власти, я уже показала, но остального я не говорила и от Осинцевой А. Г. не слышала. Очной ставки с Воробьёвой Лепестиньей Кузьмовной у меня не было, и таких показаний я не давала. Эти показания я категорически отрицаю.

ОСИНЦЕВА Ф. Ф. уходит.

ВЕДУЩИЙ. Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 7 октября 1965 года решения Тройки Управления НКВД по Свердловской области от 25 сентября и от 21 ноября 1937 года были отменены, дело прекращено за отсутствием состава преступления. Все семеро каменноозёрцев: Корняков Александр Афанасьевич, Осинцева Анастасия Петровна, Воробьёв Иван Дмитриевич, Воробьёв Александр Григорьевич, Воробьёва Лепестинья Кузьмовна, Долгих Сусанна Степановна (все шестеро – посмертно) и Осинцева Анастасия Григорьевна полностью реабилитированы.

Выписка из протокола

при УНКВД Свердловской области от "25" _____ 1937 г.

Сентября

постановили:

слушали:

дело № 8355 по обвинению ВОРОБЬЕ-
АНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА, 82 лет, ур.
ное, Озеро, Сухоложского района,
член церковного Совета.

обвиняется в том, что с 1935 г. яв-
частником к-р повстанческой групп-
овников в Сухоложском районе, вхо-
в состав к-р фашистско-повстанческой
зации пекровников на Урале.

По заданию организации вел вербовку
овстанческих кадров.
Среди населения систематически вел
пропаганду, направленную на дискредитацию
тики партии и Советской власти, распространя
ые провокационные слухи о колхозном
ительстве.

ВОРОБЬЕВА АЛЕКСАН
ГРИГОРЬЕВИЧА-

РАСТРЕЛ

ЛИЧНО ПРИНАДЛЕ
ИМУЩЕСТВО КОНФ

ар 22

Секретарь тройки

Верно: Инспектор 8 отд.

/КАЛУТИН

Акт III. Годы 1990-94-й.

На сцене – то же, но над столом висит портрет Горбачёва. За столом сидит начальник подразделения Управления КГБ по Свердловской области ПЛОТНИКОВ. В углу сцены стоит ВЕДУЩИЙ с бумагами в руках.

ВЕДУЩИЙ. 16 января 1990 года в секретариат Управления КГБ по Свердловской области поступило письмо от **Нины Васильевны Бароновой** с просьбой сообщить ей о судьбе ее матери, арестованной в 1937 году.

Входит БАРОНОВА Нина Васильевна.

БАРОНОВА. Здравствуйте, очень Вас прошу сообщить мне, как дочери репрессированной моей матери. В 1937 году из деревни Каменное Озеро Свердловской области Осинцеву Анастасию Петровну, парализованную, от четверых детей забрали ночью, бросили в машину и увезли, и по сей день мы не знаем, за что и куда? Когда пытались разыскивать, нам строго предупредили: не делайте этого, или тоже всех пересадят, и никому не говорите. И вот только сейчас, когда стало разрешено, я решила Вам написать.

Возможно, сохранились документы, и Вы нам сообщите, в чем же наша мама была виновата, и какое ей дали наказание, и где она погибла. Отец у нас тоже погиб в 1933 или 1934 году, в Вятской губернии Кировского р-на, нас тог-

да осталось четверо, и такая больная мать. А потом забрали и её. Я 7-летняя воспитывалась у тётки, средняя ходила по миру, ей тогда было 9 лет, старшей было 16 лет, а младшему братику 4 года, его сдали в детдом. Когда я подросла, пошла в ремесленное, а из детдома взяли на мое место тётка, а средняя тоже пошла в ремесленное. Вот так мы все выросли.

Пенсию за отца нам платили, пока была мама, а когда её не стало, то наш опекун сказал, что раз мать враг народа, то и вам эти деньги государство запретило, так мы и ничего не получали. Спасибо, добрые люди вырастили нас, и спасибо государству, что есть такие ремесленные училища и детдома, а то так бы и погибли в нетопленной избе, и без куска хлеба.

Возможно, Вам это не интересно читать, но я хотя сейчас имею право излить свою душу. Год рождения её не знаю, но примерно могу написать, 1895 или 1897 год, а может быть 1900 год, ей было тогда где-то к 40 годам. Очень Вас прошу, сообщите, если что-то сохранилось из документов. С уважением к Вам, Осинцева-Баронова Нина Васильевна.

ВЕДУЩИЙ. 22 января 1990 года Нине Васильевне Бароновой был направлен официальный ответ на ее запрос, подписанный начальником подразделения Управления КГБ СССР по Свердловской области Л. А. Плотниковым.

ПЛОТНИКОВ. Уважаемая Нина Васильевна! Ваша мать, Осинцева Анастасия Петровна, 1892 года рождения, уроженка села Каменное Озеро, Сухоложского района Свердловской области, была арестована бывшим УНКВД Свердловской области 6 августа 1937 года по подозрению в участии в контрреволюционной повстанческой организации. Постановлением тройки при УНКВД от 25 сентября 1937 года приговорена к высшей мере наказания с конфискацией лично принадлежащего имущества. Приговор исполнен 29 сентября 1937 года.

По протесту прокурора Свердловской области Президиум Свердловского областного суда 7 октября 1965 года постановление тройки при УНКВД от 25 сентября 1937 года в отношении Осинцевой Анастасии Петровны отменил и дело производством прекратил за отсутствием состава преступления. Осинцева А. П. реабилитирована посмертно полностью, копия справки о реабилитации № 151 от 11 октября 1965 года прилагается. Данных о месте захоронения не имеется.

В настоящее время ведутся работы по розыску места захоронения безвинно репрессированных. О результатах будет сообщено в печати. Члены «тройки» при УНКВД: Плоткин Меер Менделевич, бывший начальник УНКВД; Берман Борис Захарович, бывший 2-й секретарь обкома ВКП(б); Грачев Алексей Петрович, бывший председатель Свердловского облисполкома, за грубейшие нарушения законности и фальсификацию дел были в 1939 году осуждены и расстреляны.

Справка о смерти Вашей матери Осинцевой А. П. будет выдана Богдановичским райзагсом, куда нами направлено соответствующее поручение. До ареста Осинцева А. П. проживала с семьей в селе Каменное Озеро, значилась не работающей. Вместе с ней проживали: дочери: Зинаида, 11 лет, Нина – 9 лет, сын Владимир – 3 года и сестра Федора Петровна, работавшая в колхозе им. Ворошилова. При обыске и аресте каких-либо документов и личного имущества Осинцевой А. П. не конфисковывалось.

Нина Васильевна, понимая всю глубину трагедии, постигшей Вас и Ваших близких в связи с трагической гибелью Анастасии Петровны, выражаем Вам искренние соболезнования...

ВЕДУЩИЙ. 12 апреля 1994 года Нина Васильевна Баронова получила возможность ознакомиться со следственным делом, более полувека остававшимся недоступным для родственников жертв сталинского террора. С неё взяли подписку о выполнении условий, на которых она была допущена к архивным материалам.

БАРОНОВА. Я, Осинцева-Баронова Нина Васильевна, ознакомлена с материалами архивного дела № 33984 на Осинцеву Анастасию Петровну. Мне разъяснено, что в соответствии со статьёй Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»: «...использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам проходящих по делу лиц и их родственников не допускается и преследуется в установленном законом порядке».

ВЕДУЩИЙ. В тот же день Нина Васильевна написала заявление на имя директора Государственного архива административных органов Свердловской области, в котором давала согласие на доступ к этим материалам посетителей архива.

БАРОНОВА. Я, Осинцева-Баронова Н. В., разрешаю полностью использовать материалы архивно-следственного дела № 33984 на мою мать Осинцеву Анастасию Петровну для научно-исследовательских, исторических и публицистических работ.

ВЕДУЩИЙ. Первые сведения о месте, куда в годы террора вывозились тела расстрелянных, появились в свердловской прессе в 1989 году. Здесь, на 12-м километре Московского тракта, в 1996 году был открыт Мемориал памяти жертв политических репрессий. Преступления сталинского режима до сих пор не получили юридической оценки, палачи не названы палачами.

Приложение

Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. Разделы I - II.

Совершено секретно

Экз. № 1

30 июля 1937 г., г. Москва

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР № 00447

«Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмеков, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т. п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительство.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников — скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим **ПРИКАЗЫВАЮ:** С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ И ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ И УГОЛОВНИКОВ.

В УЗБЕКСКОЙ, ТУРКМЕНСКОЙ, ТАДЖИКСКОЙ И КИРГИЗСКОЙ ССР ОПЕРАЦИЮ НАЧАТЬ С 10 АВГУСТА С. Г., А В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ И КРАСНОЯРСКОМ КРАЯХ И ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ - С 15-ГО АВГУСТА С. Г.

При организации и проведении операции руководствоваться следующим:

I. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели [в царской России и во время Гражданской войны], бандиты, бандпоспособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе — на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ И КОЛИЧЕСТВО ПОДЛЕЖАЩИХ РЕПРЕССИИ

1. Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным Наркомами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

	1	2	Всего	[Население]
	категория	категория		
1. Азербайджанская ССР	1500	3750	5250	[3 056 978]
2. Армянская ССР	500	1000	1500	[1 209 253]
3. Белорусская ССР	2000	10 000	12 000	[5 196 549]
4. Грузинская ССР	2000	3000	5000	[3 376 946]
5. Киргизская ССР	250	500	750	[1 369 667]
6. Таджикская ССР	500	1300	1800	[1 382 168]
7. Туркменская ССР	500	1500	2000	[1 168 538]
8. Узбекская ССР	750	4000	4750	[5 847 448]
9. Башкирская АССР	500	1500	2000	[2 956 778]
10. Бурят-Монгольская АССР	350	1500	1850	[647 575]
11. Дагестанская АССР	500	2500	3000	[1 009 884]
12. Карельская АССР	300	700	1000	[512 554]
13. Кабардино-Балкарская АССР	300	700	1000	[332 493]
14. Крымская АССР	300	1200	1500	[994 798]
15. Коми АССР	100	300	400	[309 314]
16. Калмыцкая АССР	100	300	400	[194 482]
17. Марийская АССР	300	1500	1800	[562 322]
18. Мордовская АССР	300	1500	1800	[1 192 012]
19. АССР Немцев Поволжья	200	700	900	[489 328]
20. Северо-Осетинская АССР	200	500	700	[309 071]
21. Татарская АССР	500	1500	2000	[2 735 685]
22. Удмуртская АССР	200	500	700	[936 005]
23. Чечено-Ингушская АССР	500	1500	2000	[659 838]
24. Чувашская АССР	300	1500	1800	[1 023 958]
25. Азово-Черноморский край	5000	8000	13 000	[5 601 759]
26. Дальневосточный край	2000	4000	6000	[2 441 185]
27. Западно-Сибирский край	5000	12 000	17 000	[6 433 527]
28. Красноярский край	750	2500	3250	[1 828 746]
29. Орджоникидзевский край	1000	4000	5000	[1 635 277]
30. Восточно-Сибирская область	1000	4000	5000	[1 897 049]
31. Воронежская область	1000	3500	4500	[6 086 834]
32. Горьковская область	1000	3500	4500	[3 683 008]
33. Западная область	1000	5000	6000	[4 693 495]
34. Ивановская область	750	2000	2750	[2 519 168]
35. Калининская область	1000	3000	4000	[3 220 664]
36. Курская область	1000	3000	4000	[4 166 636]
37. Куйбышевская область	1000	4000	5000	[3 948 246]
38. Кировская область	500	1500	2000	[2 380 337]
39. Ленинградская область	4000	10 000	14 000	[6 831 743]
40. Московская область	5000	30 000	35 000	[11 971 367]
41. Омская область	1000	2500	3500	[2 330 420]
42. Оренбургская область	1500	3000	4500	[1 566 010]
43. Саратовская область	1000	2000	3000	[1 886611]
44. Сталинградская область	1000	3000	4000	[2 224 797]
45. Свердловская область	4000	6000	10 000	[4 126 450]

46. Северная область	750	2000	2750	[2 262 255]
47. Челябинская область	1500	4500	6000	[2 768 565]
48. Ярославская область	750	1250	2000	[2 197 057]
Украинская ССР				
1. Харьковская область	1500	4000	5500	[5 053 431]
2. Киевская область	2000	3500	5500	[5 098 241]
3. Винницкая область	1000	3000	4000	[3 918 736]
4. Донецкая область	1000	3000	4000	[4 578 669]
5. Одесская область	1000	3500	4500	[2 925 399]
6. Днепропетровская область	1000	2000	3000	[3 721 228]
7. Черниговская область	300	1300	1600	[2 522 371]
8. Молдавская АССР	200	500	700	[569 534]
Казахская ССР				
1. Северо-Казахстанская область	650	300	950	[5 120 173]
2. Южно-Казахстанская область	350	600	950	
3. Западно-Казахстанская область	100	200	300	
4. Кустанайская область	150	450	600	
5. Восточно-Казахстанская обл.	300	1050	1350	
6. Актюбинская область	350	1000	1350	
7. Карагандинская область	400	600	1000	
8. Алма-Атинская область	200	800	1000	
Лагерь НКВД	10 000	-	10 000	

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются. В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, во вторую категорию и наоборот — разрешается.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессируются, исключение составляют:

а) Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагеря или трудпоселки.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

в) Семьи репрессированных по первой категории, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Таганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из этих пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение...

(Источник: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 1: 1937 г. М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве, 2010. Стр. 99.)

А.Г. Долгих С.С., направить на ра-
Свердловской области.

О/уполномоченный РО УТБ
УНКВД - сержант госбезоп.
Согласен: Начальник РО НКВД -
М. лейтенант Г.Б.

Л. Корняков А.А. с 6/УИ-37г.
2. Осинцева А.П. с 6/УИ-37г.
3. Воробьев А.Г. с 22/УИ-37г.
4. Долгих С.С. с 22/УИ-37г.
5. Осинцева А.Г. с 22/УИ-37г.
6. Воробьев М.Д. с 24/УИ-37г.
7. Воробьева М.К. с 28/УИ-37г.

гвенно до показательства охотничье р
инце у арестованной Долгих С.С.
в РО НКВД.

Дизайн
П. Крапивин
Н. Предеин

Handwritten notes and signatures, including the name 'Александр' and 'Воробьев'.